

ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Марат Азильханов

докторант кафедры политологии Евразийского
национального университета им. Л. Н. Гумилева,
e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.04>

Аннотация. Статья посвящена выявлению факторов вызовов и угроз религиозного экстремизма в Казахстане. Комплексный трехуровневый анализ осуществляется на основе методологического подхода, подразумевающего категоризацию «подталкивающих» и «притягивающих» факторов. По существу, это выявление того, что влияет на человека, который принимает экстремистскую религиозную идеологию и становится готовым к принятию радикальных шагов и действий. Анализ нацелен на развитие государственно-конфессиональной политики для сохранения мира и стабильности в казахстанском обществе.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, религиозный экстремизм, радикализация, факторы радикализации, подталкивающие факторы, притягивающие факторы.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ДІНИ ЭКСТРЕМИЗМНІҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ СЫН-ТЕГЕУРІНДЕРІ МЕН ТӘУЕКЕЛДЕРІНІҢ ФАКТОРЛАРЫ

Марат Әзілханов

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің саясаттану
кафедрасының докторанты, e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

Аңдатпа. Мақала Қазақстандағы діни экстремизмнің сын-тегеруіндері мен қауіп-қатерлерін анықтауға арналған. Үш деңгейлі кешенді талдау «итермелейтін» және «тартымдылық» факторларын санаттауды білдіретін әдіснамалық тәсіл негізінде жүзеге асырылады.

Шын мәнінде, бұл экстремистік діни идеологияны қабылдайтын және радикалды қадамдар мен әрекеттерді қабылдауға дайын адамға не әсер ететінін

анықтауды мақсат етеді. Талдау қазақстандық қоғамдағы бейбітшілік пен тұрақтылықты сақтау үшін мемлекеттік-конфессияаралық саясатты дамытуға бағытталған.

Түйінді сөздер: мемлекеттік-конфессияаралық қатынастар, діни экстремизм, радикалдану, радикалдану факторлары, итермелейтін факторлар және тартымды факторлар.

FACTORS OF MODERN CHALLENGES AND RISKS FOR RELIGIOUS EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Marat Azilkhanov

doctoral student of the Department of Political Science of the Eurasian National University named after L. N. Gumilev, e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to identifying the factors of challenges and threats of religious extremism in Kazakhstan. A comprehensive three-level analysis is carried out on the basis of a methodological approach, which implies the categorization of “push” and “pull” factors. In fact, it is the identification of what influences a person who accepts extremist religious ideology and becomes ready to take radical steps and actions. The analysis is aimed at developing a state-confessional policy to preserve peace and stability in Kazakhstani society.

Key words: state-confessional relations, religious extremism, radicalization, factors of radicalization, push factors, pull factors.

Введение

Экстремизм на религиозной почве в современном мире является вызовом стабильности и созиданию. Радикальные идеологии способствуют разжиганию розни и совершению действий, направленных на расшатывание обществ. Террористические акты являются реальной угрозой безопасности граждан и государств. В условиях глобализации мы наблюдаем повсеместное влияние и взаимозависимость, когда локальные события связаны с глобальными трендами.

Религиозный экстремизм в Казахстане также является отголоском событий, тенденций, развивающихся в мире. Изучение причин и факторов религиозной радикализации является актуальным для учета вызовов и угроз экстремизма с тем, чтобы вовремя реагировать и грамотно выстраивать политику государственно-конфессиональных отношений.

В данной статье предпринимается попытка анализа факторов, способствующих радикализации людей и приводящих к экстремистским проявлениям на религиозной почве.

Методы исследования

Для выявления факторов радикализации здесь применяются имеющиеся в академической среде две главные категории: «подталкивающие факторы» и «притягивающие факторы». В контексте радикализации использование данных категорий факторов может помочь в объяснении того, почему люди вовлекаются в радикальные религиозные течения, почему они подвержены влиянию идеологий и готовы к проявлению экстремистских взглядов и действий.

При анализе подталкивающих и притягивающих факторов исследователи используют три уровня: макро-, мезо- и микро-.

Под макроуровнем подразумевается учет структурных факторов, которые влияют на все общество в целом: социо-политическая ситуация в стране, образование, безработица, маргинализация, дискриминация, нарушения прав человека, неурегулированные конфликты в обществе и др. Как правило, факторы в данной категории относятся к подталкивающим факторам.

На среднем – мезоуровне принимаются во внимание социальные, культурные факторы, в нашем случае с религиозной подоплекой, как например, виктимизация религиозной группы, межгрупповые или межрелигиозные отношения, отчуждение и изоляция религиозной группы от общества, чувство несправедливости по отношению к собственной группе.

Микроуровень учитывает индивидуальные, психологические факторы, такие как поиски самоидентификации, и возникающие в связи с этим проблемы: чувство отчуждения, стигматизация, а также слабые социальные связи, подверженность вербовке и т.д. Чаще всего, факторы, находящиеся на данном уровне, относятся к категории притягивающих факторов.

Данное разделение на уровни достаточно условно, зачастую они взаимопереплетены. Например, слабая социально-экономическая интеграция в общество проявляет себя не только на макроуровне, но также и на других уровнях. Исследователи болгарского Центра изучения демократии, в своем докладе «Мониторинг радикализации: индикаторы риска», пишут, что «в большинстве случаев уровни переплетаются и возникает сложный механизм взаимодействия между факторами различного уровня, происходящих одновременно» [1].

Вместе с тем, разделение на уровни помогает провести комплексный, структурированный анализ факторов подверженности радикализации, приводящих к экстремистским проявлениям на религиозной почве. В качестве материала для анализа выступают вторичные данные имеющихся отечественных исследований. Но, в первую очередь, это собственный большой опыт практической работы в сфере государственно-конфессиональных отношений, базирующийся на многочисленных экспертных встречах и непосредственного участия в проектах, касающихся религиозной сферы жизнедеятельности общества, что позволяет выходить на уровень обобщения и концептуализации.

Результаты исследования

Понятие религиозного экстремизма

Нормативное определение понятия «религиозный экстремизм» представлено в Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 2005 года [2]. Так, согласно статье данного Закона, действия могут быть признаны экстремистскими, если физическое или юридическое лицо, объединение физических или юридических лиц организуют или совершают действия от имени запрещенных в стране экстремистских организаций. В соответствии с этим, с 2006 года в Казахстане составляется список запрещенных террористических и экстремистских организаций [3].

Необходимо отметить, что под экстремистские подпадают организации, совершающие политические, национальные, религиозные действия, направленные на нарушение законных основ жизнедеятельности государства. Непосредственно под религиозным экстремизмом в Законе «О противодействии экстремизму» понимается разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан [2].

Религиозный экстремизм в Казахстане и его факторы: об истории проблемы

В Казахстане проявление религиозного экстремизма, в большей степени, связывают с исламом, точнее с салафитским, или как многие его еще называют «псевдосалафитским», направлением. Как пишет Н.Н. Рыжичкин, «Вплоть до терактов 2011 года руководство страны не верило в возможность распространения на казахстанской земле идей религиозного экстремизма и возникновения в республике «своих» террористов» [4].

Другой исследователь К.И. Поляков предлагает хронологию распространения исламского экстремизма в Казахстане, разделив на 3 этапа. Первый этап характеризуется как латентное (скрытое) распространение религиозного экстремизма среди целевых групп и приходится на 1991-1998 годы. Временные рамки второго этапа включают 1999-2010 годы и отмечаются фактами появления активных радикальных проповедников и различных деструктивных жамагатов. Третий этап – современный, начиная с 2011, связан с проявлением радикальности в виде религиозно мотивированных террористических актов [5, 13].

Анализируя причины распространения религиозного экстремизма, К.И. Поляков на первом этапе, наряду с социально-экономическими проблемами, выделяет исламизацию как процесс заполнения идеологического вакуума на месте коммунистической идеологии СССР; активное проповедничество и постепенную дифференциацию формирующейся мусульманской уммы; неготовность государственных органов организовать эффективную работу по противодействию религиозному экстремизму и отсутствие необходимой законодательной базы; нехватку специалистов и слабость контроля в сфере

исламской культовой и образовательной деятельности; низкий уровень кадровых и организаторских возможностей Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК); обучение молодежи в сомнительных зарубежных учебных заведениях, где студенты усваивали радикальные религиозные установки; географическую близость Казахстана к странам, где политический (радикальный) ислам имеет сильные позиции – Афганистан, Пакистан и др. [5, 13-16].

Как утверждают исследователи С. Амандыкова и И.Искакова, Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» [6] наделял религиозные объединения и миссионеров слишком широкими правами и свободами: «На этой весьма благодатной почве и в результате пассивного отношения правительства в первые годы образования независимой Республики Казахстан к данной проблеме и недостаточной религиозной грамотности населения многие граждане Казахстана, особенно представители молодого поколения, попали под влияние деструктивных религиозных сил» [7].

События в соседних государствах: теракты 1999 года в Узбекистане, а также Баткентские события 1999-2000 годов в Кыргызстане, и более того теракт 11 сентября 2001 года в США оказали сильное влияние на государственную политику Казахстана в отношении религиозно мотивированного экстремизма и терроризма. Политолог Ерлан Карин, возглавлявший в 2004-2006 годах Центр антитеррористических программ, отмечает, что хоть экстремизм и терроризм воспринимался преимущественно как внешняя угроза, «тем не менее в Казахстане была проделана значительная работа по созданию и совершенствованию законодательной базы для выявления и пресечения террористической и экстремистской деятельности» [8].

Как было отмечено выше, исследователь К.И. Поляков современный этап отсчитывает с 2011 года и считает его самым тяжелым этапом в развитии исламского экстремизма в Казахстане: «По мере роста числа приверженцев исламского экстремизма в Казахстане их религиозно-идеологическое противостояние со светским государством перешло в фазу вооруженной борьбы» [5, 24].

В 2011-2012 годах были совершены теракты в Актобе, Атырау, Таразе, Актюбинской, Атырауской и Алматинской областях, в которых погибли не только террористы, но и сотрудники правоохранительных органов, гражданские лица. В 2016 году теракты произошли в Актобе и Алматы.

На современный период также приходится события в Сирии и Ираке. После поражения ИГИЛ (запрещена в РК) Казахстан выразил готовность вернуть на родину соотечественников, особенно женщин и детей и было уже осуществлено пять этапов гуманитарных операций «Жусан» и «Русафа».

Единого мнения о причинах и факторах, способствующих радикализации, не существует. В докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций «План действий по предупреждению насильственного экстремизма»

говорится, что «достоверных статистических данных о факторах, приводящих к радикализации отдельных лиц, не имеется. Несмотря на наличие определенных различимых тенденций и моделей поведения в настоящее время среди ученых и исследователей консенсус существует лишь в отношении отдельных аспектов» [9]. Тем не менее, концептуализация факторов на основе «подталкивающих» и «притягивающих» мотивов, причин, в том числе на основе сравнительного анализа, имеет свой эвристический потенциал.

Обсуждение результатов

Факторы радикализации

В целом, под подталкивающими факторами понимаются негативные социальные, культурные и политические аспекты окружения человека, которые «подталкивают» его на путь радикализации. Это – поводы для возникновения недовольства, которые создают чувство разочарования в обществе или в государстве, которые, в свою очередь, побуждают людей искать способы исправления сложившейся ситуации. Некоторые исследователи понимают под данными факторами фундаментальные причины, такие как бедность, безработица, неграмотность, дискриминация и политическая, экономическая маргинализация [10]. Как считают специалисты организации «Поиск общих интересов»: «Хотя подталкивающие факторы не могут полностью объяснить радикализацию в конкретном контексте, они являются важной отправной точкой. Они выявляют насущные для общества проблемы и помогают нам понять, как эти проблемы способны формировать контекст и среду, в которой могут укорениться разногласия, недоверие и насильственный экстремизм» [11].

Рассмотрим более подробно факторы, способствующие радикализации на отмеченных трех уровнях: микро-, мезо-, и макро-уровнях.

К подталкивающим факторам на микроуровне относятся проблемы психологического порядка. Актуальными являются проблемы внутри семьи (домашнее насилие, развод родителей, несостоявшиеся отношения с родителями, которые не уделяют внимания, любви, тепла детям), а также другие психологические травмы.

Многие психиатры едины во мнении, что сложные отношения с родителями в период взросления могут нанести эмоциональный ущерб, который ослабляет самооценку [12]. Из-за этого люди, «неспособные справиться со своими собственными недостатками», тем самым «нуждаются в виноватых», что делает их особенно привлекательными для поляризирующей риторики экстремистов [12].

Исследования немецких социологов показывают, что 79 процентов из 227 изученных леворадикальных террористов имели глубокие конфликты с родителями [13]. Исследования, проведенные в Кении, говорят, что большинство радикализованной молодежи там – выходцы из неполных семей [12].

Также анализ данных в отечественных исследованиях лиц, вернувшихся из

зон террористической активности, подтверждают данный фактор: многие из них выросли в неблагополучной семейной атмосфере. На них повлияли развод в детстве, проблемы отца с алкогольной зависимостью, холодные отношения в семье, неполная семья, ссоры на почве религиозных взглядов, и так далее.

Роль родителей в развитии ребенка играет ключевую роль в формировании эмоционального здоровья, включая позитивное чувство самодостаточности, умение справляться со стрессовыми ситуациями, контролировать свои страхи и так далее. Ряд исследований отмечают, что среди прочего, низкий уровень чувства принадлежности к чему-либо (например, к своей семье, к обществу, к этничности) делает молодых людей более уязвимыми для вовлечения в насильственный и ненасильственный экстремизм [14].

Фактор семьи сопровождается и другим важным моментом социализации в детстве – поведенческие паттерны в школе. Данные в области подростковой психологии говорят, что вовлечение в криминальные круги, буллинг в школе влияет на процесс маргинализации молодых людей, а также на их дальнейшую радикализацию. Кроме этого, исламовед Оливье Руа, рассматривая социальный профиль западных радикалов, также указывал на склонность их к «культуре насилия» [15, 32-33].

Немаловажным фактором исследователи считают отношение к спорту. Занятия в детстве и подростковом возрасте такими боевыми видами как тейквондо, кикбоксинг, бокс, борьба ориентируют на кумиров, авторитетов. Нарративы радикалов свидетельствуют, что с подросткового возраста они были склонны к культуре силы, героизации людей, авторитет которых основан на силовых качествах.

Отдельно стоит отметить влияние психологических травм, в том числе перенесенные потрясения, связанные с трагическими обстоятельствами.

Факторы мезоуровня связаны с социальным окружением и разного рода межгрупповыми отношениями (межэтническими, межконфессиональными и внутриконфессиональными). Негативные характеристики социального окружения влияют на выбор жизненных траекторий. Выбор между «хорошим и плохим» может подталкивать к выбору предпочитаемого окружения. Так, например, в интервью студентов столичных учебных заведений отмечалось, что окружение во время учебы в колледже было плохое – многие употребляли алкоголь, курили и т.д.: «Окружение поначалу было плохое, все курили, пили там, гуляли. И я так наблюдала, наблюдала и просто выбрала для себя тех, кто ходил на пятничную молитву».

На макроуровне исследователи рассматривают роль государства и общества, проблемы международных отношений, дискриминацию со стороны большинства, напряженные отношения большинства и меньшинства, отсутствие социо-экономических возможностей, слабую интеграцию в обществе, результаты глобализации (в том числе активное развитие интернета), уровень общего образования, миграцию (как внешнюю, так и внутреннюю).

Казахстанские эксперты среди факторов, способствующих радикализации, выделяют религиозную неграмотность, незнание и отсутствие возможностей изучения религиозных основ с достоверных, проверенных источников. Другим немаловажным фактором выступает неудовлетворенность деятельностью Духовного управления мусульман Казахстана. Пропаганда деструктивных религиозных течений направлена на формирование контрнарративов, направленных против официального духовенства, на дискредитацию их деятельности в двух направлениях – в форме критики их материальной и финансовой деятельности (проблемы коррупции, непрозрачности, закрытости) и в форме идеологии (незнание имамами элементарных основ религии, их некомпетентность).

На макроуровне также оказывают большое влияние процессы внутренней миграции и урбанизации. В отчете Европарламента «Радикализация и противодействие радикализации: гендерная перспектива», авторы отмечают, что, согласно некоторым исследованиям, более 90% европейских иностранных боевиков (мужчины и женщины) пришли с сельской местности [16].

Интересным в этой связи представляется исследование психологов в 1990-ых годах в Нигерии. Результаты показывают, что миграция с сельской местности в большие города является ключевым фактором радикализации. Переезжая в большой мегаполис, молодые люди, чувствующие злость на родителя и одиночество, и оказываясь в тесном переплетении новых социальных связей большого города, не только нуждаются в «крыше над головой и еде», но и в чувстве братства и единства, чем и пользуются радикальные группы [17].

Для казахстанских реалий это фактор тоже значим. Выходцы из сельской местности и их дальнейшее попадание в урбанизированную среду, предоставление самому себе в условиях большого города, формирование новых социальных связей, привязанностей во время учебы играет большую роль в формировании предпочтений.

В отличие от подталкивающих притягивающие факторы – это позитивные характеристики и вознаграждения (как материальные, так и нематериальные), которые предлагают экстремистские организации и которые «притягивают» уязвимых лиц к данным группам. Это включает в себя идеологию, сильные «братские» и «сестринские» отношения, чувство принадлежности, репутация, героизация, романтизация, чувство приключений, и другие социальные, и духовные элементы [11].

Некоторые исследователи считают, что притягивающие факторы носят более экзистенциальный характер (например, обретение смысла жизни, чувство идентичности) [18]. Важную роль в данного вида факторах играет психологическое состояние индивида, его связи с членами семьи, друзья, которые непосредственно способны влиять на сознание человека. Важную роль играет также и интернет, легкодоступность к различного рода сомнительным материалам, которые предлагают простые ответы на сложные жизненные проблемы.

Факторы притяжения обусловлены системно выстроенной, использующей психологические методы, пропагандой радикальных религиозных организаций с тем, чтобы предложить привлекательный образ своей группы, проект общественного устройства, который они выдвигают.

Притягивающие факторы на микроуровне, как и в подталкивающих, связаны прежде всего с ролью семьи, родственников и ближайшего окружения – знакомых, соседей и друзей. Так, например, при исследовании причин радикализации на Филиппинах, исследователь Джульетт Лоеш пишет, что одним из явных притягивающих факторов для уязвимых к радикализации лиц, является связи с семьей или кланом [19].

Наряду с влиянием семьи, анализ данных показывает особую роль социального окружения объектов исследования – друзья, одноклассники, одногруппники, соседи и т.д.

В казахстанских исследованиях женщин-репатрианток, вернувшихся на Родину в рамках операции «Жусан», определяющим гендерно-сенситивным фактором радикализации отмечается влияние взглядов мужей. Подобный фактор, возможно, объясняется традиционным складом казахстанского общества, где женщина должна следовать определенным гендерным моделям поведения: слушаться мужа, следовать за ним, не спорить, поддерживать во всех его взглядах и так далее. Некоторые исследования подтверждают это – романтические отношения в традиционных обществах может играть важную роль в вовлечении женщин в экстремистские и террористические организации [16].

Одним из самых значимых факторов на мезоуровне, как показывают многочисленные исследования, является феномен групповой связи. Ряд механизмов, таких как социализация, установление тесных внутригрупповых отношений усиливает индоктринацию и моральное отречение от традиционных ценностей, потенциально ведущих на путь насильственного экстремизма.

Общеизвестно, что методы вовлечения в экстремистские группировки включают в себя так называемую «бомбардировку любовью», часто применяемую неохристианскими организациями. Подобное явление можно наблюдать и в процессе исламистской радикализации.

Так, часть опрошенных в ходе интервью часто говорили о том, что в свое время, привлекательным в экстремистских жамагатах было то, что в них было чувство «братства» и «связь между ними была очень крепкой». Мужчины отмечали важность принадлежности к братьям по вере, чувство общности и поддержки. Чувство общности приводило к стремлению поддержать и защитить братьев, над которыми издеваются и которых убивают неверные в лице правоохранительных органов в рамках своей страны, или неисламские страны, в основном западные, в мировом масштабе.

Для женщин жамагаты были социальной средой, где они находили сестер по вере, где им подбирали мужей с радикальными взглядами и определяли их жизненную траекторию как «истинных» в их понимании мусульманок. Дискурс

о «сестринстве» является очень распространенным и привлекательным для женщин.

В целом же, чувство принадлежности к избранной группе являлось важным фактором для респондентов обоих полов.

На макроуровне притягивающими факторами являются привлекательные элементы идеологического характера, предлагаемые экстремистскими группами: обещание построения справедливого «халифата», идеализация и романтизация будущего, финансовая стабильность и так далее.

Отдельно стоит отметить важность роли интернета и социальных сетей в процессе радикализации. В результате анализа данных глубинных интервью в рамках проекта «Радикализация в эру цифровизации», проведенного неправительственной организацией «RAND», подтверждаются две главные гипотезы:

- 1) Интернет создает больше возможностей для радикализации;
- 2) Интернет играет роль «эхо-камеры» – места, где люди находят идеи, поддерживаемые и распространяемые другими единомышленниками [20].

Согласно исследованию агентства Министерства юстиции Великобритании, интернет играет все большую значимую роль в радикализации в Англии и Уэльсе. В период с 2005 по 2017 года, количество осужденных экстремистов, кто попал под влияние деструктивных идеологий, распространяемых в интернете, выросло, тогда как в то же время наблюдается снижение количество радикализации в оффлайн среде [10].

Выводы

Изучение факторов радикализации, приводящих к религиозно мотивированному экстремизму позволяет предпринимать шаги корректирующего и превентивного характера.

Факторный анализ позволит оценивать вызовы и риски и на основе этого грамотно выстраивать политику государственно-конфессиональных отношений. Как было выше рассмотрено, подталкивающими и привлекающими могут быть факторы разных уровней: личного порядка, группового и общего влияния на уровне общества и мира, в целом.

Необходимо постоянно изучать факторы, чтобы реально оценивать угрозы и риски насильственного экстремизма. Во внимание нужно брать наработанные методологии, имеющиеся в международном опыте. Мировой опыт теорий и практик изучения религиозного экстремизма и борьбы с его проявлениями учитывает множество факторов, включающих историю и складывание вероубеждения, социальные контексты и намерения, приверженности и мотивации, защитные факторы, идеологии государства и многое другое.

Применение научных подходов к объяснению радикализации, религиозного экстремизма способствует не только комплексному изучению радикализации, но также и факторов, способствующих самой радикализации. Понимание факторов, в свою очередь, является ключевым аспектом в успешности дерадикализации и связанных с нею программ.

Список литературы

1. Dzhokova R., Mancheva M., Stoynova N. Monitoring Radicalization: A Framework for Risk Indicators. Center for Study of Democracy. – 2017.
2. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31. О противодействии экстремизму. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_ (дата обращения 10.09.2021).
3. Список террористических и экстремистских организаций, запрещенных на территории Республики Казахстан. Сайт Комитета по делам религий МИОР РК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/5378?lang=ru> (дата обращения 20.09.2021).
4. Рыжичкин Н.Н. Казахстанская модель противодействия религиозному экстремизму и терроризму // Россия и новые государства Евразии. 2018. №1. Сс. 134-149. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2018/1> (дата обращения 10.06.2021).
5. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. URL: <https://book.ivran.ru/f/polyakov022014-block1.pdf> (дата обращения 10.06.2021).
6. Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Утратил силу. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z920004000_05.10.1995 (дата обращения 10.09.2021).
7. Амандыкова С.К., Искакова И.Е. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений в Республике Казахстан: современное состояние и накопленный опыт. Вестник Карагандинского университета. Стр. 9-18. URL: <http://rmebrk.kz/magazines/journal/show/2305> (дата обращения 15.07.2021).
8. Карин Е. «Терроризм в Казахстане: от виртуального к реальному». Газета «Курсив», 14 июля 2011 года. URL: <https://kursiv.kz/news/tendencii-i-issledovaniya/2011-07/terrorizm-v-kazakhstan-ot-virtualnogo-k-realnomu> (дата обращения 15.07.2021).
9. «План действий по предупреждению насильственного экстремизма», доклад Генерального секретаря ООН. Декабрь, 2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674&Lang=R (дата обращения: 03.09.2021).
10. Kenyon, J., Binder, J., Baker-Ball, C. Exploring the role of the Internet in radicalization and offending of convicted extremists. Ministry of Justice Analytical Services. HM Prison and Probation Service.
11. Ван Левен, Д. Противодействие насильственному экстремизму: Вводное руководство по концепциям, разработке программ и передовой практике. Search for Common Ground. Hedayah, 2019.
12. Rink, A., Sharma, K. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya. Journal of Conflict Resolution, 2018, Vol. 62 (6), стр. 1229-1261. URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/45181/Rink_2-11lvhu39jzk6r2.pdf?sequence=1&isAllowed=n (дата обращения 03.08.2021).
13. Claessens, D., Neidhardt F., Feger H., и Wanda B-K. Analysen zum Terrorismus 3: Gruppenprozesse. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften – 1982.
14. Ventriglio, A., Bhugra, D. Identity, alienation, and violent radicalization D. Marazziti, & S. M. Stahl (Eds.), Evil, terrorism and psychiatry (стр. 17–29). Cambridge University Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108569095.005>
15. Roy, O. Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State. Londonrst Company, 2017.
16. Orav, A., Shreeves, R., Radjenovic A. Radicalisation and counter-radicalisation: A gender perspective. January, 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-581955-Radicalisation-gender-perspective-rev-FINAL.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).
17. Policy Brief: Understanding the complex causes and processes of radicalization. Federal Republic of Nigeria. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/onsa-pb01.pdf> (дата обращения 03.08.2021).
18. Cherney, A., Putra, I. E., Putera, V. S., Erikha, F., & Magrie, M. F. The push and pull of radicalization and extremist disengagement: The application of criminological theory to Indonesian and Australian cases of radicalization. Journal of Criminology, 263380762110348. 2021. DOI:10.1177/26338076211034893

19. Loesch, J. The GPH-MILF Peace Process in the Philippines to Prevent and Transform Violent Extremism in Mindanao, *Journal of Peacebuilding & Development*, 12:2, 96-101. 2017, DOI: 10.1080/15423166.2017.1331747.
20. Radicalisation in the digital era. RAND Europe. URL: <https://www.rand.org/randeurope/research/projects/internet-and-radicalisation.html> (дата обращения 03.08. 2021).

References

1. Dzhekova R., Mancheva M., Stoyanova N. Monitoring Radicalization: A Framework for Risk Indicators. Center for Study of Democracy. – 2017.
2. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 fevralya 2005 goda № 31. O protivodejstvii ehkstremitizmu. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000031>.
3. Spisok terroristicheskikh i ehkstremitsskikh organizacij, zapreshchennykh na territorii Respubliki Kazakhstan. Sajt Komiteta po delam religij MIOR RK. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/5378?lang=ru>.
4. Ryzhichkin N.N. Kazakhstanskaya model' protivodejstviya religioznomu ehkstremitizmu i terrorizmu // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2018. №1. Pp. 134-149. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2018/1>.
5. Polyakov K.I. Islamskij ehkstremitizm v Central'noj Azii. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2014. URL: <https://book.ivran.ru/f/polyakov022014-block1.pdf>.
6. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 yanvarya 1992 goda «O svobode veroispovedaniya i religioznykh ob»edineniyakh». Utratil silu. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z920004000_/05.10.1995.
7. Amandykova S.K., Iskakova I.E. Pravovoe regulirovanie deyatelnosti religioznykh ob»edinenij v Respublike Kazakhstan: sovremennoe sostoyanie i nakoplenyj opyt. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Pp. 9-18. URL: <http://rmbrk.kz/magazines/journal/show/2305>.
8. Karin E. «Terrorizm v Kazakhstane: ot virtual'nogo k real'nomu». Gazeta «Kursiv», 14 iyulya 2011 goda. URL: <https://kursiv.kz/news/tendencii-i-issledovaniya/2011-07/terrorizm-v-kazakhstane-ot-virtualnogo-k-realnomu>.
9. «Plan dejstvij po preduprezhdeniyu nasil'stvennogo ehkstremitizma», doklad General'nogo sekretarya OON. Dekabr', 2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674&Lang=R.
10. Kenyon, J., Binder, J., Baker-Ball, C. Exploring the role of the Internet in radicalization and offending of convicted extremists. Ministry of Justice Analytical Services. HM Prison and Probation Service.
11. Van Leven, D. Protivodejstvie nasil'stvennomu ehkstremitizmu: Vvodnoe rukovodstvo po koncepciyam, razrabotke programm i peredovoj praktike. Search for Common Ground. Hedayah, 2019.
12. Rink, A., Sharma, K. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya. *Journal of Conflict Resolution*, 2018, Vol. 62 (6), стр. 1229-1261. URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/45181/Rink_2-11lvhu39jzk6r2.pdf?sequence=1&isAllowed=n.
13. Claessens, D., Neidhardt F., Feger H., и Wanda B-K. Analysen zum Terrorismus 3: Gruppenprozesse. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften – 1982.
14. Ventriglio, A., Bhugra, D. Identity, alienation, and violent radicalization D. Marazziti, & S. M. Stahl (Eds.), *Evil, terrorism and psychiatry* (стр. 17–29). Cambridge University Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108569095.005>
15. Roy, O. *Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State*. London:rst Company, 2017.
16. Orav, A., Shreeves, R., Radjenovic A. Radicalisation and counter-radicalisation: A gender perspective. January, 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-581955-Radicalisation-gender-perspective-rev-FINAL.pdf>.
17. Policy Brief: Understanding the complex causes and processes of radicalization. Federal Republic of Nigeria. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/onsa-pb01.pdf>.
18. Cherney, A., Putra, I. E., Putera, V. S., Erikha, F., & Magrie, M. F. The push and pull of radicalization and extremist disengagement: The application of criminological theory to Indonesian and Australian cases of radicalization. *Journal of Criminology*, 263380762110348. 2021. DOI:10.1177/26338076211034893

19. Loesch, J. The GPH-MILF Peace Process in the Philippines to Prevent and Transform Violent Extremism in Mindanao, *Journal of Peacebuilding & Development*, 12:2, 96-101. 2017, DOI: 10.1080/15423166.2017.1331747.
20. Radicalisation in the digital era. RAND Europe. URL: <https://www.rand.org/randeurope/research/projects/internet-and-radicalisation.html>.